

Ковалев 123. - 2006. - 16-18 окт. - с. 28-29

Фильм «Гадкие лебеди», созданный режиссером Константином Лопушанским и продюсером Андреем Сигле по мотивам знаменитой книги Стругацких, выходит в ограниченный прокат. Картина снята под патронажем фонда Горбачева.

Константин Лопушанский — ученик Тарковского. Его фильмы, признанные и высоко оцененные мировыми кинотеатрами, на родине вызвали бурные дебаты и сопротивление. Не всегда безукоризненные картины неукоснительно следуют общему направлению — поиску «кислорода духа» — и оттого все меньше и меньше соответствуют «духу времени» и моде. Может, все дело в том, что Лопушанский по первому образованию — музыкант, после консерватории защитивший диссертацию...

— Мне кажется, что фильмы ваши сложены, как музыкальные произведения, в них угадывается симфоническое развитие, во всяком случае, чувство формы, внутренняя мелодия...

— Верно. Музыкальное формирование человека ведет к тому, что посредством музыки он иначе начинает ощущать форму целого произведения, различного звучания эпизодов, взаимоотношения частей. Для меня музыка — часть драматургии. Это не такое уж открытие. Андрей Арсеньевич Тарковский включал музыкальную идею кинопроизведения чуть ли не на уровне его замысла.

Андрей Тарковский взял еще неоперившегося режиссера на практику на «Сталкер», что во многом определило творческую судьбу Лопушанского. Дебютант снял картину «Соло» о блокаде, которая объездила многие фестивали мира с неизменным успехом. Тарковский помогал молодому дарованию запуститься с полнометражным фильмом. Но Госкино стояло насмерть: «Этому — постановку не разрешать! Больно мудреный».

Тарковский не сдавался. У него уже был опубликован сценарий «Гофманианы», и он написал письмо в Госкино Богомолу с просьбой позволить молодому режиссеру снять фильм, а он станет художником. «Только через мой труп!» — ответил розовощекий редактор. Тарковский снова пытался что-то делать. Когда закрубились проблемы вокруг «Пиковой дамы» — проект остановили, режиссеров меняли... Андрей Арсеньевич позвонил на ТВ, чтобы приняли и рассмотрели кандидатуру Лопушанского.

Лопушанский: «В поезде из Питера я оказался в одном купе с Мишей Козаковым, который уходил с постановки. Говорили до рассвета о «Пиковой даме», о судьбе картины. Когда утром получил пропуск в «Останкино», в нем было написано: «Явиться в комнату ббб...». Естественно, ничего из этого не вышло».

Потом Тарковский перестал помогать дебютанту, понимая,

что это вызывает противоположную реакцию начальства.

— Вас привлекает не столько частная история, сколько метафора, образ вселенной. Для ее воплощения чаще всего вы обращаетесь к жанру антиутопии. Слышала даже, что вас прозывают режиссером-апокалипсисом. Антиутопия — адекватный жанр для описания нынешнего состояния общества?

— Да, это ощущение присутствует, никуда не деться. Антиутопия — фантазия с высоким содержанием образности. Легче всего сказать: фильм-предупреждение. Ничего подобного. Пресса 86-го года писала о «Письмах мертвого человека», пытаясь как-то оправдать такое безобразное, по их мнению, кино, называла его «фильмом-предупреждением». Это вульгарно. Да, пытаясь определиться, мы придаем слову «утопия» негативный оттенок — «анти». Но ведь в Апокалипсисе не только однозначная чернота и безнадежность. Там и трансформация, «новое небо», «новая земля» и так далее. В философском смысле можно увидеть даже и некоторую просветленность. «И ототрет Бог каждую слезу» — сказано нам.

— Тогда, в 80-е, ваши «апокалипсические настроения» казались авторской причудой, сейчас они буквально окутали мир. Вы говорили, что хорошая фантастика прикасается к проблемам будущего, к его Тайне. И всегда предпочитали философскую фантастику. В «Посетителе музея» идеи жертвенности и фанатизма были замкнуты рамками религиозной притчи.

— Наверное, это самая эпатажная из моих картин. Хотя она получила множество призов на тамошних фестивалях, здесь меня размазывали, корили: «Ну где вы видели столько дебилов?». Сегодня никому в голову не придет подобный вопрос. Их раздражал основной посыл кино: в основе монашества — идея миротверждения, отторжения ложных прелестей мира, который так низко пал. Это было воспринято общественностью

«В идиотском мире
должны прорасти ростки
надежды...»

«Грядущий Хам, предсказанный Мережковским 70 лет назад, однажды уже осваивался нашей стране. И вот вновь выползает из всех щелей и топает по улицам»

29

№79 (1201) 16.10—18.10.2006 г.

Невага 10.10.06

Константиновский
Мережковский

18.10.06

Слева направо — Андрей Сигле, Константин Лопушанский и Борис Стругацкий

Будущее озглянулось

**Антиутопия
по мотивам
«Гадких лебедей»,
снятая
Константином
Лопушанским,
оказалась
слишком похожа
на реальность**

как пощечина. Вспомните начало 90-х — все ждут капитализма как манны небесной. Тут выходит какой-то полоумный, поспывает голову пеплом... Что касается предчувствия, Стругацким это дано. Они размышляют о проблемах вроде бы из придуманного будущего. Проходит 10—20 лет, и их прогноз сбывается.

— Многие из фантастов блестяще предсказывали новые технологии, лазеры, шаттлы, полеты на Марс... Стругацких больше интересуют мировоззренческие вопросы, тайна будущего в «Гадких лебедях» распадается перед ними как бездна. Вы задумались об экранизации истории о городе-призраке с интернатом для одаренных детей 15 лет назад. Почему тогда не вышло?

— На волне успеха «Писем мертвого человека» мы поехали в Репино с Борисом Натановичем и Аркадием Натановичем, и на их вопрос: «А что бы хотелось делать дальше?» — я сказал про

«...лебедей». «Как?» Я обрисовал условно-апокалипсическую картину. Они написали. Бесплатно. Без договора. Из уважения ко мне, молодому дураку. Я прочел сценарий... и он не понравился. В нем не было кинематографического ключа... причем по моей вине. Это я должен был его предложить. А написано замечательно и опубликовано под названием «Туча». В общем, на некоторое время та история испортила наши отношения. Потом забылось. В связи с идеей этого проекта мы с продюсером Андреем Сигле приехали к Борису Натановичу. Это не вызвало у него удивления.

— Что же стало ключом к решению картины?

— Я понял, что надо убирать все политические аллюзии, внешнюю фантастику: мутантов, мокрецов. У нас они большие люди, мутлирующие генетики. Главным конфликтом должны были стать взаимоотношения «отец—дочь». Отношения

поколений. А ключевой темой — вечное противостояние: тотальная дебилизация так называемой цивилизации и возникающие ростки интеллекта, духа, которые были всегда. В 60-е у Стругацких это «очкарики». Недаром в книжке они вызывали прямую ассоциацию с мокрецами, вспомните круги под глазами... Но всегда, начиная с первых пророков, были те, кто пытался поднять человечество на иной уровень духа. И всегда это плохо кончалось. Кровью. Поэтому что дебилизирующийся мир рьяно противится «просветленным» умникам, которым все не нравится, которые всегда чего-то хотят. Этим конфликтом и движется человечество... с переменным успехом. Вот про что хотелось делать кино. Плюс невероятная образность, магия самой литературы.

— Вы изменили финал, который у Стругацких обнадёживал...

— На радостный финал мы не могли пойти. Книга на-

писана в 60-е, ожидалось, что «свобода нас встретит радостно у входа»... Сейчас другие ожидания. Трагический финал в чем-то близок по настроению финалу «Пролетая над гнездом кукушки»...

— Но ведь после крушения всех надежд в фильме есть план, когда детская рука протирает мутное стекло за решеткой, и в этом «следе чистоты» появляются звезды на темном небе...

— Это снова к идее противостояния, к теме неуничтожимости духа, в человеке неистребимой.

— Особо одаренные дети в «Гадких лебедях» сегодня не могут не вызывать ассоциации с модной темой «детей индиго», вы об этом думали?

— Любопытно, что во время самых первых съемок, не сговариваясь с Сигле, мы включили телевизор и увидели разные программы о детях индиго. Я заинтересовался, мне прислали литературу на разных языках.

Выяснилось, что в одной Москве их насчитывается около 50 тысяч. Каждый фиксируется в реестре спецструктур — все может сглотиться. Самое любопытное — планка интеллекта и возможностей, которые достигаются только в результате долгих духовных практик, накапливаются опытом. А тут они даются ребенку в готовом виде. Как там, у Бродского, это маятник: качнется вправо, качнется влево... В идиотском мире должны прорасти ростки надежды...

— «Гадкие лебеди» — самая зрительская из ваших картин. Впрочем, и концентрированно авторские «Письма мертвого человека» в СССР посмотрели 15 миллионов человек, а купили фильм чуть ли не все страны мира. Но сейчас вы осознанно делаете шаг навстречу зрителю?

— Не являюсь идейным сторонником кричащих в пустых залах, с вершины горы разглядывающих зрителей где-то там, внизу. Если искусство в какой-то мере является проповедью, пусть без морализаторства... Представьте себе священника в церкви, говорящего настолько умно, что его не понимают. Долг художника, если ты обращаешься к людям, старайся быть услышанным.

— Но раньше вы не очень-то старались...

— Да, так и есть. Мы меняемся вместе со временем. Перед тем как запускаться, мы размышляли с продюсером, каким путем идти? Конечно, я не мог поступиться авторским стилем... Но если мы вводим его в рамки жанрового кино, то получаем возможность быть понятыми, потому что зритель воспитан в этом духе.

— И вы погружаете философскую фантастику в густой раствор триллера, нагнетая напряжение.

— На мой взгляд, фильм от этого выиграл. Напряжение вынуждает зрителя волноваться, сопереживать герою: спасет тот дочь или нет? Возникают страдания, соучастие. Плюс ритм и монтаж. Я старался, чтобы нить напряжения не рвалась.

— Роман писался о «ближайшем будущем». Значит, это примерно наше время, угаданное вполне точно: тут и катастрофизм сознания, и природные катаклизмы, и автоматы, поставленные на мирных людей... Но вы снова снимаете кино про «ближайшее будущее». Почему вы не ушли в современность и чем отличается время фильма от времени романа?

— Да, все похоже. И этот город, и фашиствующие фанаты, причем не только футбольные. И проворовавшаяся власть ставит капканы на мокрецов только потому, что они другие. Но сегодня это предмет скорее для газетных полос. Буквально перенесенная на экран литература сразу бы потеряла масштаб метафоры. Социальный аспект — это не мой конек. Хотелось

выйти на уровень философского обобщения, выводящего за пределы конкретного города, страны и времени. По внешним приметам в этом фильме нет никакого далекого будущего. Европа горит, города затопляются. Ну да, это мы знаем и по сводкам новостей, важнее, что с душами происходит...

Стругацкие позволяют себе сказать откровенно: «Господа, а вы ведь быдло». — «Да как вы смеете!» — «Не-не-не, именно быдло. Вы еще на людей не похожи». Это редкое качество, акцентированное и в «Сталкере» Андрея Арсеньевича. Эту интонацию я старался сохранить и в «Гадких лебедях». Тут уж совсем дело плохо, ведь монолог, который обличает, размывает человечество, уличает его в ничтожности, производит ребенка. Мальчик 11 лет.

— Вас трудно назвать оптимистом. Как вы воспринимаете происходящее в мире, в стране сейчас?

— Не буду вдаваться в политику, не настолько осведомлен и грамотен в этом смысле. Но что настораживает, что особенно неприятно — отвратительное разрастание глобального хамства, пронизавшего общество во всех движениях, поступках. Не только политика, но и культура, которая ужимается, втягивается в телевизор. Вокруг чего только не происходит: сколько трагедии, боли человеческой требует участия и работы души. Телевизор же подыхает от смеха. Более веселого телевизора я нигде и никогда не видел. Ребята, что так хохочете? Что смешного происходит вокруг вас? Беспардонный Хам пришел даже в Питер. И вымирающая интеллигенция с палочками жметесь подальше от края дороги к стенам, чтобы не сбили с ног... Жутковатая, утрюмая поступь лебиды, командора нового времени. Грядущий Хам, предсказанный Мережковским 70 лет назад, однажды уже осваивался в нашей стране. И вот вновь выползает из всех щелей, распрямляется, как Кинг-Конг, и топает по улицам, заглядывает в окошки: «Вы еще не с нами? Тогда мы идем к вам!». О том была и моя предыдущая картина «Конец века» — не надо запатывать стариков, даже если они думают иначе.

— У «Гадких лебедей» нет шанса быть показанными по ящику?

— Полчаса редактор одного телеканала рассказывал, как посмотрел фильм дважды. В финале я услышал: «Но вы же понимаете. Это нельзя показывать». Один к одному это напомнило времена цензуры 80-х. На Центральном телевидении это была любимая фраза. Ничего не меняется. Тут «Гадкие лебеди» посмотрел управляющей мощнейшей прокатной фирмой страны: «Какое кино! Я буду его пересматривать, покажу семье. Но вы же понимаете...».

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»